

ТАТЬЯНА РУДНИЦКАЯ,

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины

Интернетизация как начальный этап вхождения Украины в мировое глобализирующееся сообщество: позитивы и риски

Abstract

Various concept approaches make it possible to understand the globalization as transformation of the everyday personal life structures. The special attention is paid to the cultural aspect of globalization processes that bring not only the positives but a real danger when countries and persons can lose their cultural characteristic features. In the one-polar world, the most intensive globalization processes take place in the mass information field, the Internet becomes more significant. It has created a new kind of communication. It affects communicating participants, changes the social and cultural space of personal life. The article is about the involvement of Ukrainian people into the world informational net. The effect of the Internet on user's personality has been assessed by various age, ethnic, ethno-linguistic and other groups of Ukrainian population.

Концепция глобализации как процесса мирового единения — одна из наиболее распространенных идей перехода человечества в третье тысячелетие. Глобализация, по мнению Ю.Пахомова, — “это наиболее яркое проявление прогресса, несущего неисчислимы экономические и социальные новации. Новации эти во многом обнадеживающие, причем не только по критерию изобилия неизвестных ранее благ и услуг, но и с учетом уже проглядывающих очертаний нового облика человечества... И дело тут не только в невиданном ранее эффекте и последствиях новейших технологий, не только в бытовых, интеллектуальных и иных новациях, но и в ускоренном формировании нового облика, а может, и иной судьбы человечества” [1, с. 8].

В контексте феномена глобализации с точки зрения трансформации структуры повседневной жизни личности среди бесчисленного множества

концепций самыми сильными в объяснительном плане представляются три концептуальных подхода.

Прежде всего следует упомянуть концепцию Р.Робертсона, в соответствии с которой глобализация в наиболее общем смысле включает в себя феноменологическое сжатие мира в целом, а также быстрый рост осознания этого явления. Сжатие мирового пространства, связанное с налаживанием торговых, военных, культурных взаимосвязей между различными человеческими сообществами, началось еще с докапиталистических времен. А вот интенсификация осознания мира как целого, убежден Робертсон, — сравнительно новый феномен [2, с. 8].

Э.Гидденс рассматривает глобализацию как следствие все увеличивающихся дистанций, на которые могут распространяться повседневные социальные практики, — “растягивание” этих дистанций на все большие отрезки пространства–времени. При этом взаимодействие “лицом к лицу” становится вовсе не обязательным. Глобализация социальной жизни представляется как интенсификация процессов универсализации и экспансии [3, с. 68–94].

Согласно концепции Д.Харвея, наиболее существенной чертой глоболизирующегося мира является высокий уровень “компрессии пространства–времени”, характеризующий новую организацию социальных практик [4, с. 284–359].

В феноменологическом плане глобализация жизненного мира, по определению М.Уотерса [5, с. 5, 6], — это социальный процесс, в котором ограничения, накладываемые географией на социальное и культурное устройство, ослабевают, и люди это ослабление все в большей мере осознают. Благодаря глобализации территориальность перестает быть принципом, организующим социальную и культурную жизни, а социальные практики освобождаются от локальных привязок и свободно пересекают пространственные границы. Глобализационные процессы рассматриваются как постепенное преобразование разнородного мирового социального пространства в единую глобальную систему, в которой беспрепятственно перемещаются информационные потоки, идеи, услуги, стандарты поведения и моды, видоизменяя миропредставления, деятельность социальных институтов, общностей и индивидов, механизмы их взаимодействия [6, с.3].

Многие зарубежные исследователи справедливо отмечают обострение под влиянием процессов глобализации проблем в социальной и социально-психологической сфере, проявлением чего стали рост безработицы, углубление дифференциации между богатыми и бедными, ослабление традиционных моральных уз, усиление десолидаризации общества и т.д. Специалисты Научно-исследовательского института социального развития при ООН, признавая неоднозначность и противоречивость влияния глобализации, отмечают: “Открывая небывалые возможности одним людям и целым странам, те же глобализационные силы играют не последнюю роль в росте обнищания других людей и стран, их неуверенности в завтрашнем дне, в ослаблении социальных институтов и систем социальной защиты, в размывании традиционных личностных и общественных ценностей” [7, с. 86].

Очевидно, что глобальные изменения не могут не затронуть и саму человеческую личность, жизненное пространство которой в последние десятилетия изменяется все более ускоряющимися темпами. В ходе таких изме-

нений личность постоянно оказывается перед необходимостью осваивать постоянно обновляющееся пространство своей жизни. Изучая личностный аспект глобализационных процессов, уместно применить понятие “социальный ареал жизни личности”, с помощью которого можно было бы увязать глобальные социальные трансформации с изменениями, происходящими на личностном уровне. Социальный ареал жизни личности, по определению Н.Шульги, — “это та часть социального пространства, которая обеспечивает воспроизводство жизнедеятельности личности во всех ее проявлениях... Это система ее устоявшихся, повторяющихся, иерархизированных связей (экономических, социальных, политических, культурных, духовных; официальных и неофициальных; формализованных и неформализованных; повседневных и особых — праздничных, сакральных, чрезвычайных)” [8, с. 21]. Социальный ареал — это прежде всего культурно заполненное пространство.

В последнее время значительное внимание исследователей сконцентрировано на изучении культурного аспекта глобализационных процессов. Часть западных социологов и политологов трактуют процесс глобализации однозначно позитивно и оптимистически, полагая, что он приведет к консолидации мира и преодолению конфликтов, повышению уровня жизни народов, социальной стабильности. Н.Луман, например, понимает процесс глобализации мирового сообщества как становление глобальной социальной системы, не имеющей ни вершины, ни центра, а представляющей собой полицентрическое, поликонцептуальное (благодаря многообразию культур) общество, в котором взаимодействуют разные политические, этнические, религиозные, социокультурные идентичности индивидов и социальных групп [9, с.138].

Однако социальная реальность оказывается гораздо более сложной, противоречивой и непредсказуемой, чем теоретические построения. Интенсивный процесс неуклонного превращения биполярного мира в однополярный, в котором преобладает экономическая, финансовая, научно-техническая и военная мощь США, что обуславливает глобальную переориентацию культуры, приводит к становлению культуры “транснационального структурного капитализма”, ориентированного на формирование американоподобной среды для бизнеса и продуктов массовой культуры в мировом масштабе.

Придавая важное значение в развертывании процессов глобализации культурным факторам, Э.Гидденс обращает особое внимание на глобализацию средств массовой информации, среди которых доминируют американские. Повсеместное вторжение в социокультурное пространство многих стран американизированных стандартов культуры, тиражируемых средствами телевидения, рекламы, кино, электронной коммуникации, заставило, по его словам, “многих говорить об империализме средств массовой информации. Они утверждают, что сформировалась единая культурная империя. Страны третьего мира страдают от этого более всего, поскольку не имеют средств для сохранения и защиты своей культурной независимости” [10, с. 511]. Э.Гидденс высказывает вполне обоснованную обеспокоенность тем, что американский телевизионный экспорт одновременно с рекламой пропагандирует коммерциализированную культуру, разрушающую различные формы местной культуры, а страны третьего мира становятся объектом но-

вой формы империалистической экспансии средств массовой информации [10, с. 514].

Однако новый культурный интервенционизм, стремящийся к насаждению во всех регионах мира американизированных вариантов культуры и потребительской системы ценностей, все же наталкивается на все более серьезные препятствия, а нередко и прямое сопротивление со стороны национальных и культурных элит, а также значительной части населения стран, вовлеченных в глобализационный процесс. Примеры поддержки государством национальных культурных программ во Франции, Италии, Польше, в развивающихся странах Азии и Африки свидетельствуют о том, что усиливающаяся глобализация не ведет к исчезновению национальных интересов ни в экономике, ни в политике, ни тем более в культуре. Опыт Японии и азиатских “драконов” убеждает, что перенос индустриальной системы и присущих ей институтов на иные цивилизационные основания служит не только удачным примером приспособления ценностей конфуцианской культуры к потребностям индустриализма, но и порождает новые культурные и даже цивилизационные проблемы, созданные вторжением индустриальных ценностей в отличный социокультурный мир. В то же время масштабное проникновение инокультурных образцов в американское социокультурное пространство наблюдается весьма слабо, имея при этом весьма ограниченный во времени характер, скорее в виде модных трендов.

Очевидно, что на сегодняшний день глобализация еще не стала всеохватывающим мировым явлением. По мнению Ю.Пахомова, глобализационные процессы пока не затронули 3/4 населения планеты [1, с. 14]. Многие страны остаются еще слабо включенными в процессы глобализации. Им еще предстоит пройти стадию локальной (догоняющей) модернизации. Так, Украина находится только на начальном этапе вхождения в глобальную цивилизацию. Незначительная включенность в международные хозяйственные структуры, низкая конкурентоспособность украинских товаров, отсутствие значительных иностранных инвестиций тормозят вхождение Украины в нарождающееся глобальное пространство. Приходится констатировать, что по инвестиционной привлекательности эксперты отводят Украине 111 место в мире [11, с. 176].

Интересно прислушаться к мнению экспертов относительно степени включенности в новое мировое общество, которое ныне интенсивно глобализируется, нашего восточного соседа — России. Известный российский экономист Н.Шмелев с оптимизмом смотрит на перспективы интеграции страны в глобализированное общество, считая, что сегодня Россия принимает заметное участие в глобальном экономическом пространстве своим интеллектуальным потенциалом, сырьевыми ресурсами, продукцией ВПК, транспортным положением [12]. Однако немецкий политолог А.Рар склоняется к мысли, что сегодня еще нельзя говорить о полной готовности России к вступлению в глобальное сообщество социально и экономически развитых стран, но движение в этом направлении вполне ощутимо. Еще одним направлением является движение к изоляции, хотя А.Рар утверждает, что в эпоху Интернета Россия не в состоянии пойти по пути изоляции [12].

Относительно вхождения Украины в глобализированное сообщество развитых стран представляется, что изложенные соображения (разумеется, с некоторыми коррективами в плане нынешнего уровня социально-эконо-

мического и политического развития страны, характеризующегося определенным отставанием от уровня развития России, а также с учетом разных масштабов человеческого и сырьевого потенциалов) можно применить и к нашему государству. “Для такой страны, как Украина, — считает Ю.Пахов, — глобализация — это и великий соблазн, и немалые риски. И при всем этом путь в глобальное пространство безальтернативен, поскольку изоляционизм создает лишь временную обманчивую иллюзию защищенности. Обманчивую потому, что именно затянувшаяся защищенность усугубляет отсталость” [1, с. 9].

Заметным проявлением глобализации в Украине стали миграционные оттоки населения на международные рынки труда, главным образом в качестве дешевой рабочей силы. Одновременно с этим эмиграция из страны квалифицированных специалистов существенно снижает ее трудовой потенциал. По мнению западных экспертов, эмиграция одного высококвалифицированного специалиста равнозначна вложению миллиона долларов в экономику принимающей его страны. Подсчитано, что в результате эмиграции из России высококвалифицированных специалистов эта страна инвестировала только в экономику США более триллиона долларов [11, с. 230]. Крайне острой является проблема интеллектуальной миграции и для Украины. По разным оценкам, страна в 90-е годы XX века потеряла от 15% до 20% своего интеллектуального потенциала вследствие эмиграции наиболее подготовленной рабочей силы. А.Колот считает, что Украина достигла порога “критической массы” интеллектуальной эмиграции, превышение которого ведет к необратимым последствиям [13, с. 81].

Наиболее зримым проявлением глобализации стали революционные изменения в сфере информации. Информационной моделью глобализации может служить Интернет. Современные компьютерные технологии, создавая единое глобальное информационное пространство, сжимают пространство и время, делают прозрачными границы, позволяют устанавливать контакты между людьми, находящимися в разных точках земного шара.

Что касается вхождения Украины в мировое информационное общество, то понятно, что для этого страна должна иметь определенный уровень материальной и психологической подготовленности к усвоению новейших информационных технологий. Необходимой материальной предпосылкой служит достаточный уровень компьютеризации населения, предполагающий не только соответствующие количественные показатели распространенности компьютеров, но и определенный уровень культуры использования этих средств получения и передачи информации. Изучая вопросы технической готовности Украины к вступлению в круг стран, являющихся равноправными создателями глобального информационного пространства, нельзя не согласиться с мнением Ю.Щербака о том, что наша страна пока находится на дальних подступах к эре компьютеризации. Эти утверждения красноречиво иллюстрируют данные 2000 года, согласно которым насыщенность компьютерами на 100 жителей США достигла 62,3 шт., Швеции — 56,1, Швейцарии — 50,0, Канады — 39,0, Британии — 36,6, Японии — 34,9, Германии и Франции — по 33,7 шт. Украина имела в это время 3,0 компьютера на 100 человек [14, с. 525].

Определенное представление об уровне распространенности компьютеров среди взрослого населения Украины дают данные опроса 2003 года, про-

веденного в рамках всеукраинского социологического мониторинга, проводимого Институтом социологии НАН Украины с 1992 года (см. табл. 1). Опрос проводился по выборке, охватывающей 1800 человек, которые репрезентативно описывают взрослое население Украины (18 лет и старше) по полу, возрасту, образованию, типу населенного пункта и области проживания.

Таблица 1

Уровень компьютеризации поселенческих, возрастных и этнических групп Украины, а также населения в целом, 2003 год (%)

Уровень компьютеризации	Тип поселения				Возрастная группа			Этническая группа		Всего по выборке, N = 1796
	Киев, N = 90	Крупный город, N = 618	Небольшой город, N = 508	Село, N = 581	18–29 лет, N = 392	30–54 года, N = 843	55 лет и старше, N = 561	Украинцы, N = 1363	Русские, N = 372	
Не знаком с компьютером	45,6	71,5	74,8	92,2	53,1	76,9	96,8	78,6	75,0	77,9
Умею работать на компьютере, иногда пользуюсь	32,2	19,3	19,3	5,2	35,2	14,7	2,3	14,9	16,9	15,4
Постоянно использую в работе	20,0	6,8	3,9	1,2	7,1	6,8	0,4	4,7	5,4	4,8

Опрос показал, что каждый пятый в нашей выборке пользуется компьютером, причем доля таких пользователей среди мужчин и среди женщин почти одинакова (мужчины — 21,7%, женщины — 20,0%). Данные табл.1 характеризуют социально-экономические и социокультурные основания распространения компьютеризации: среди пользователей преобладают столичные жители, которые имеют значительно больше возможностей (как с финансовой точки зрения, так и в плане развития социальной инфраструктуры столичного города, сконцентрировавшей все новое и лучшее, что имеется сегодня в Украине). То, что наиболее весомой оказалась доля компьютерных пользователей среди молодежи (47,3%), вполне обоснованно. Понятно, что молодежь в силу своих возрастных особенностей является более мобильной и способной к обучению, более склонна воспринимать все новое. Заметим, что каких-либо существенных количественных различий относительно пользователей компьютеров среди украинцев и русских не наблюдается. Некоторое превышение удельного веса компьютерщиков среди русских связано с тем, что русские Украины по преимуществу горожане, а также жители крупных городов.

Проблемы общения человека с компьютером не новы. Эти проблемы волновали ученых на протяжении второй половины XX века. Компьютер, появившись как средство обработки больших объемов цифровой информации, со временем, совершенствуясь, начал выполнять все новые и новые функции, все шире входит в повседневную жизнь значительных масс населения. Социология, призванная изучать, каким образом те или иные явления либо процессы, происходящие у большинства населения или в крупных

социальных группах, формируются в социально значимые тенденции, которые со временем приводят к масштабным социальным изменениям, ныне фиксирует появление в различных точках земного шара нового стиля жизни, когда компьютер для человека становится интереснее других людей. Компьютеризация уже несколько десятилетий порождает в мире социальные риски как психологического, так и физиологического плана, способные привести к компьютерной зависимости и потере здоровья. Исследователи говорят о возникновении новой болезни — компьютеромании, особенно опасной в детском возрасте. В частности, исследования, проведенные в 2001 году в Японии, свидетельствуют, что у детей, которые на несколько часов в день погружаются в компьютерное пространство, развиваются лишь те части головного мозга, которые отвечают за формирование зрительных образов и движения, тогда как лобные доли, ответственные за обучение и память, почти не развиваются. Поэтому японские специалисты по проблемам компьютерной экологии рекомендуют пользоваться компьютером детям до 7 лет, а затем, после перерыва, начинать общение с компьютером с 14 лет, когда физиологическое формирование и воспитание ребенка в норме завершается. Такую ситуацию специалисты объясняют тем, что постоянный и тотальный контроль за ребенком не является ни полезным, ни результативным — действенным может быть только самоконтроль, а для этого должна быть сформирована личность [15].

Насколько серьезной является угроза психическому и физическому здоровью человека, который длительное время работает за компьютером, свидетельствуют исследования, проведенные под руководством психолога В.Бондаровской, давно и плодотворно изучающей проблемы компьютерной экологии [15]. По результатам этих исследований, в которых участвовали психологи, офтальмологи и эндокринологи, у человека, проработавшего за компьютером 8–12 часов в сутки, в конце работы наблюдался очень интенсивный эффект Кирлиана (фотографически зафиксированное излучение пальцев), что свидетельствовало о значительной потере человеком энергии, при этом было обнаружено осязаемое снижение иммунитета. К тому же напряженное считывание с экрана компьютера больших объемов информации снижает частоту мигания, что приводит к появлению синдрома “сухого глаза”, который проявляется в покраснении глаз, их слезоточивости и запорошенности. Следует также учитывать, что электромагнитное излучение низкой частоты, которым характеризуются компьютерные системы, отрицательно влияет на здоровье человека [15].

В психологическом плане компьютеромания приводит (особенно в подростковом возрасте, когда молодой человек, еще не успевший пройти даже начальные этапы социализации, проводит по 10–12 часов в сутки за компьютером) к уходу из реальной жизни в компьютерное пространство. Такой человек, как правило, мало спит, не общается в семье и с друзьями. По мнению В.Бондаровской, жестокие компьютерные игры привели к возникновению очень опасного явления: у молодого поколения сформировалось слишком легкое отношение к смерти.

Еще одним весомым подтверждением социальных рисков, приносимых компьютеризацией, является то, что, по определению экспертов из стран — членов Евросоюза, среди 5-ти опаснейших профессий, связанных с

опасностью, которой человек не ощущает, наряду с трудом шахтера названа работа пользователя видеотерминала [16, с. 285].

Среди широкого круга пользователей сформировался довольно низкий уровень осознания необходимости навыков и правил работы с компьютером. Зачастую не только родители, но и педагоги не имеют должного представления об азах культуры общения с компьютером, которая должна способствовать сохранению физического и психического здоровья человека. Нередко “приклеивание” ребенка или подростка к компьютерному экрану в течение многих часов в день воспринимают как очень полезное и похвальное.

Мы считаем, что позитивы и риски компьютерной эры, неотвратимо наступающей в Украине, требуют серьезного внимания к проблемам компьютеризации со стороны специалистов и на государственном, и на общественном уровне. Крайне необходимо повышение культуры пользования компьютерной техникой. С этой точки зрения целесообразной представляется разработка основ компьютерной экологии для преподавания ее положений в учебных заведениях, начиная с дошкольных.

* * *

В отличие от проблем компьютеризации, не являющихся для человечества чем-то новым, проблемы Интернета возникли перед нами совсем недавно — в последнее десятилетие XX века. По мере глобального распространения компьютеров и прогресса компьютерных технологий появилась техническая возможность соединить все компьютеры в единую мировую информационную сеть — Интернет. Такая сеть уже позволяет пользователю общаться не только с компьютером, но и (при помощи компьютера) с другим пользователем и даже одновременно со многими пользователями. Образовалась новая коммуникативная система, новая форма общения между людьми. Эта форма общения обладает одной очень важной особенностью: она может не только изменять содержание общения, но и оказывать серьезное влияние на участников коммуникационного процесса.

Однако наряду с безусловными преимуществами включенности в мировую информационную сеть важно учитывать социальные риски и социально-психологические последствия этой включенности как для социума в целом, так и для отдельной личности.

Становится все понятнее, что в информационном обществе утрачиваются общественные нормы, характерные для граждан национального государства, возникают совершенно новые технологические нормы и правила поведения, слабо связанные с национальной принадлежностью и территорией проживания. Телекоммуникационные связи совсем иначе структурируют мир, создают новые условия и формы функционирования геополитики, глобальной финансовой и экономической систем.

Наиболее рискогенной становится мировая финансовая система. Особенно опасными и уродливыми считает украинский экономист Ю.Пахомов виртуальность и самодостаточность финансово-спекулятивной сферы. “Нельзя же считать нормальным, — утверждает он, — процесс функционирования огромной денежной массы, оторванной от реальных процессов и втянутой в воронку автономного самовозрастания, то есть обслуживания самое себя. Эта виртуальность не просто самообман, но и огромная финансовая

бомба, нависшая над человечеством, грозящая окончательно разрушить и без того существенно подорванную глобальную стабильность” [1, с. 14].

В эпоху информатики геополитическое доминирование могут определять совсем иные, отличные от традиционных, ресурсы. Так, на первый план выступают интеллектуальные ресурсы. Новая экономика более не формируется исключительно на основе географических, геологических или промышленных факторов. Ее организация осуществляется преимущественно вокруг систем связи и коммуникаций. “Национальные, государственные границы Э-общества, — по образному выражению Л.Белиниса, — расположены там, где кончается кабель и информационные домены” [17, с. 78].

Финансовые операции, циркуляция денег уже глубоко проникли в Интернет-пространство, что делает возможным распределение финансовых ресурсов в обход границ и интересов государств. Другой серьезной проблемой является то, что Интернет выводит отдельных людей и даже предприятия из-под государственного контроля и создает условия для формирования виртуальных экономико-политико-культурных общностей, функционирующих самостоятельно и не соблюдающих никаких правил внутригосударственных отношений.

Все более очевидным становится то, что появление Интернета не просто завершило промышленный этап развития человеческого общества, но и существенно изменило современную материальную и духовную культуру. Революция в информатике, пронизывая практически все сферы жизни, наибольшее влияние оказывает на человеческое сознание, изменяя представления людей о мире и о себе. Гигантские информационные потоки рожают новое информационное качество, проявляющееся в том, что структура информации, ее архитектура начинает влиять на содержание информации, на ее смысл. Такое явление в последнее время вызывает значительный интерес исследователей, получая распространение на страницах научных изданий под термином “виртуальность”.

В течение последних десятилетий академическая наука, по свидетельству Л.Белиниса, приложила немало усилий для поиска наиболее удачного определения понятия виртуальности [17, с. 69]. Предлагался ряд вариантов: “факсимиле реальности” [18, с. 265], “отделенная от мира реальность” [19, с. 13], “несуществующая реальность” [20, с. 25], “дубликат” [18, с. 264] и т.п. Встречаются даже мистические определения типа “технологическое освобождение Священного Грааля” [21, с. 124]. Но все эти термины не отражали содержания понятия. Окончательный термин “виртуальность”, “виртуальная реальность” был введен в научный оборот в изданной в 1993 году книге Г.Рейнгольда “Виртуальные сообщества” [22]. Такой интенсивный терминологический поиск, по мнению Л.Белиниса, объясняется тем, что именно в это время начала формироваться убежденность в том, что новые технологии, прежде всего компьютерная техника и созданная на ее базе всемирная коммуникационная сеть Интернет, смогут вывести человечество из состояния взаимного непонимания и создать условия для формирования новой социальной системы, в пределах которой удастся решить проблемы, накопившиеся в реальной действительности. Компьютер расценивался как технологическое продолжение общественного сознания. При этом, как утверждает ученый, уже в который раз не удалось избежать технологического детерминизма в ходе поиска решения совсем не технологических проблем. Тем

не менее процесс поиска путей создания нового, виртуального общества оказал весьма сильное стимулирующее влияние, благодаря которому сформировалась система реальных технологических и Интернет-взаимоотношений, которые ныне можно определить как “информационное общество”.

В условиях информационного общества виртуальность приобретает неограниченные возможности для своего проявления. В большинстве случаев, считает Л.Белинис, виртуальность становится непосредственным условием становления информационного общества и поддержания его функционирования. При этом возникает проблема разграничения виртуального общества и информационного: если в первом случае наблюдается стремление к реализации, по сути, новой формы социальных отношений, то во втором — проявление нового качества потребления информации при наличии новых средств коммуникации. Следует понимать, что процессы виртуализации — это не достояние последнего времени, они являются давними и восходят ко временам, когда человек начал отражать реальность в своем сознании [17, с. 69].

Разумеется, распространенность тех или иных технологий зависит от социальных норм и приоритетов конкретного социума. По мере изменения процесса получения и распределения информации, с изменением скорости и формы этого процесса возникают новые черты обществ, не характерные для предыдущих обществ. Как замечает Л.Белинис, информационное общество создает присущий только ему набор отношений: оно отличается моментальностью отношений, их раздробленностью и многоконтактностью. Можно согласиться с мнением философа М.Шаулаускаса, что состояние информационного общества обуславливает довольно индивидуалистические и необязательные отношения: “Это своеобразный эгалитаризм цифрового самовыражения без всякой презумпции идеалов равенства: каждый говорит то, что хочет и как хочет, однако, во-первых, не препятствуя другому делать то же самое и, во-вторых, ни в коем случае не заставляя его слушать, видеть или каким-то иным образом испытывать то, что уже подобным образом публично высказано. Значимость последнего условия является очень весомой, потому что в данном случае происходит радикальный отказ от гуманистического обязательства Просвещения, заставляющего тех, кто знает и может, обязательно поделиться своим знанием и могуществом с теми, кто, будучи слабее их, не в состоянии ни отказаться от щедро жертвуемых благ мировоззрения, ни оценить качества и пригодности их содержания” [17, с. 70–71]. Весьма уместным в этой ситуации представляется вывод Ж.Бодрийера о том, что в результате установления таких отношений и норм жизни информационного общества “наша внутренняя активность превращается в экранную интерактивность” [23, с. 59]. То есть можно сказать, что новые коммуникационные технологии пытаются заменить человеку и окружающий мир и других людей, кардинально изменяя социальный ареал жизни личности. При этом формируется все большая зависимость человека от информации, происходит превращение индивида в пассивного потребителя информации.

Итоги начального этапа психологических исследований Интернета показывают, что влияние, которое оказывает Интернет на личность пользователя, является более глубоким и системным, нежели влияние любой другой технической системы, в том числе и персонального компьютера. Личность все больше начинает ощущать интенсивное воздействие новой культуры —

Интернет-культуры, имеющей неоднозначный, амбивалентный характер. Мир Интернета имеет как неоспоримые преимущества, так и менее доступные для наблюдения негативы: наряду с тем, что в его пространстве, характеризующемся открытостью и независимостью субъекта, существуют возможности неограниченного личностного общения, развития отдельных способностей, освоения новых видов деятельности, этот мир навязывает свои правила, затягивает, “высасывает жизненные соки”. Психологи рассматривают Интернет как культуру, в рамках которой возникли новые возможности для личностного развития тех, кому по каким-либо причинам трудно сформировать собственный образ “Я”, опираясь на свои природные данные или социальные достижения. Как констатирует Н. Чуднова, в настоящее время сложилось уже весьма многочисленное и дифференцированное сообщество пользователей Интернета, в котором наряду со случайными посетителями, постоянными пользователями определенных ресурсов, “работниками Интернета” выделилась группа людей, которых можно назвать “жителями Интернета”. Эти люди тратят значительные материальные и временные ресурсы, а также обладают высокой эмоциональной включенностью в проблемы мировой информационной сети [24, с. 114, 116].

О пользователях Интернета можно говорить как о модернизированной социальной группе, которая по своим социокультурным характеристикам гораздо ближе к представителям иных культур в глобальном информационном пространстве, чем к населению, не охваченному Интернетом. “Киберсообщества” в разных странах с различными культурами формируют новое, единое социокультурное пространство, в котором члены таких сообществ становятся намного ближе друг другу, нежели к своим соотечественникам-“традиционалистам”. Некоторые социологи даже начинают говорить о будущем делении человечества на подключенных и не подключенных к Интернету: первые будут приближаться к транснациональной культуре, вторые — тяготеть к культуре локальной [25, с. 171]. Язык этой новой культуры — англоамериканский, поскольку большинство специалистов и пользователей проживает в англоязычных странах. Более того, на сегодняшний день вокруг Интернета уже сформировалась определенная специфическая субкультура, язык которой выступает как новый фактор разделения в сфере как понимания, так и взаимопонимания людей, в частности людей единой национальной культуры, единой страны.

Исследования, проведенные социологами в течение 1998–1999 годов во многих странах, показали, что доступ к Интернету является своеобразной разделительной линией между образованными и неграмотными, богатыми и бедными, мужчинами и женщинами, молодежью и пожилыми людьми, горожанами и сельскими жителями [26, с. 15]. Еще одна разделительная линия — знание английского языка, который используется в 80% сайтов, в компьютерной графике и инструкциях. Английский в значительной мере интегрирует информационное пространство, ликвидируя известные ранее барьеры. Но, с другой стороны, при этом возникают новые границы, разделяющие людей: всемирная информационная паутина объединяет имеющих к ней доступ и отсекает тех, кто его лишен. Таким образом, создаются две системы коммуникации. Одна — для людей зажиточных, с хорошим образованием, современными средствами связи, позволяющими быстро получать большой объем информации. Вторая система — для тех, кто такой связи не

имеет. Они вынуждены пользоваться прежними, традиционными информационными методами, получая уже устаревшую, а значит и менее ценную информацию. Нельзя не согласиться с мнением Ф.Юрлова о том, что результат конкуренции представителей этих двух систем очевиден: преимущества современной информационно-коммуникационной системы не оставляют ни малейших шансов на равные возможности тем, кто находится вне ее [26, с.16]. В конечном счете огромная масса населения планеты, не имея соответствующих доходов, образования и доступа к современным средствам связи, все больше маргинализируется и выталкивается на обочину технического и экономического прогресса.

Таким образом, исследования показывают, что доступ к Интернету и знание английского языка служат своеобразной линией раздела между социальной группой людей, обладающих современными коммуникативными возможностями, и подавляющим большинством тех, кто таких возможностей не имеет. Можно говорить о возникновении пропасти между “инфо-богачами” и “инфо-бедняками”, не имеющими финансовых возможностей или не обладающими техническими средствами или знаниями для получения необходимой, достоверной и полной информации. Наконец, значительная часть населения, вследствие своих поселенческих, возрастных, образовательных, имущественных характеристик, не имеющая доступа к современным средствам связи, все более утрачивает свою профессиональную конкурентоспособность.

Считается, что Украина делает большие успехи в освоении глобального информационного пространства. Однако специалисты утверждают, что общий уровень насыщенности и развития Интернет-контента в государстве все еще низок. Ю.Щербак с сожалением констатирует, что Украина была и все еще остается одной из самых отсталых стран Европы в плане развития информационных технологий. Так, по количеству Интернет-серверов в 1999 году наша страна занимала 24-е место в Европе и 45-е — в мире [14, с. 524].

Несмотря на то, что в течение 2000–2003 годов ситуация быстро менялась, и сеть Интернета в Украине увеличивалась в среднем на 40% в год, в целом позиция страны в мировом информационном пространстве оставалась почти неизменной [27]. Количество украинских пользователей Интернета в конце 2000 года составляло 320–370 тыс. человек, то есть менее 1% взрослого населения Украины, а в конце 2001 года — 500 тыс., что уже несколько превышало 1% населения. 2002 год ознаменовался для Украины ощутимым ростом количества пользователей Интернета — оно достигло 2,5 млн человек, то есть около 5% населения. И все же, как считают специалисты, в 2003 году по развитию информационных технологий (телефонная и мобильная связь, Интернет) Украина находилась на 85 месте в мировом рейтинге [28].

Согласно оценкам экспертов, украинский сегмент Интернета в 6–10 раз меньше российского и ощутимо отстает от польского, словацкого, чешского, и тем более от сетей более развитых государств. Тем не менее расширение всемирной информационной паутины на территории Украины — процесс все более интенсивный. По данным исследователей, наша страна сегодня занимает четвертое место в мире по количеству сертифицированных программистов. Региональное распределение украинского Интернет-контента, по данным 2001 года, весьма неравномерное: город Киев и область — 46%, Донецкая область — 8%, Одесская и Харьковская — по 6%. Именно эти ре-

гионы являются главными центрами сосредоточения информации в украинском сегменте Интернета. В остальных регионах показатели значительно ниже. Несмотря на сегодняшний низкий уровень, темпы развития сети Интернета в Украине близки к среднеевропейским — если среднегодовые темпы расширения всей мировой информационной сети составляют 50–55%, то ее украинского сегмента — 40% [16, с. 284–286]. Предполагается, что к 2006 году 3,5–5,0 млн граждан Украины (7–10% населения) будут активно использовать Интернет [29].

Наши исследования показывают, что среди украинских пользователей Интернета наблюдается гендерный перекос: доминируют мужчины. Согласно данным опроса, проведенного Институтом социологии НАНУ в 2003 году, среди опрошенных мужчин пользователей Интернета оказалось почти вдвое больше, чем среди женщин: 7,4% против 4,3%.

Данные таблицы 2 помогают понять, где именно сконцентрирована преобладающая масса Интернет-пользователей, какая возрастная группа превалирует в Интернет-аудитории, имеются ли существенные различия в использовании всемирной информационной сетью между этническими украинцами и русскими в Украине, а также где именно осуществляют свой Интернет-контакт наши соотечественники.

Таблица 2

Уровень включенности в Интернет поселенческих, возрастных и этнических групп Украины, а также населения в целом, 2003 год (%)

Уровень интернетизации и место пользования Интернетом	Тип поселения				Возрастная группа			Этническая группа		Общая выборка, N = 1792
	Киев, N = 90	Крупный город, N = 617	Небольшой город, N = 509	Село, N = 576	18–29 лет, N = 388	30–54 года, N = 842	55 лет и старше, N = 561	Украинцы, N = 1358	Русские, N = 372	
Не нуждаюсь	61,1	79,4	79,2	91,1	66,5	80,0	96,3	82,5	81,2	82,2
Нуждаюсь, но не имею возможностей	16,7	13,0	15,3	7,8	19,8	14,5	3,43	12,1	12,9	12,2
Пользуюсь дома	2,2	1,8	1,8	0,3	2,3	1,8	0,0	1,2	1,6	1,3
Пользуюсь на работе	15,6	4,0	2,4	0,2	3,9	4,2	0,4	3,0	2,7	2,9
Пользуюсь в Интернет-кафе, компьютерном клубе и др.	6,7	3,4	2,7	0,5	8,8	1,1	0,2	2,1	3,0	2,5

Распространенность Интернета, “интернетизация” способствует новой фрагментации и сегментации общества. Сообщества пользователей Интернета все ощутимее характеризуются ослаблением локальных социальных связей, что представляет угрозу потери идентичности на государственном, этническом, а иногда и семейном уровне. Интенсивная информатизация изменяет образ жизни и личностные характеристики человека, вовлеченного в виртуальный компьютерный мир — общение с компьютером порой становится самоцелью, формируется тип “виртуального человека”. Для такого

человека символическое компьютерное пространство служит реальностью, заполненной образами, эмоциональными установками, надеждами и тревогами, превращается в общество, которое реально функционирует и которое этот человек со временем сможет назвать реальной родиной. Высказывается даже мнение, что “кибер-гражданство технически возможно” [30, с. 171]. Исследователи отмечают, что замена непосредственной межличностной коммуникации общением с информационной машиной, чрезвычайно расширяя объем коммуникаций, во многом лишает человека его нравственно-ценностных оснований. Глобальное культурное единение в Интернете нередко обуславливает утрату прежней идентичности, ценностную деструкцию, аномию, культурную маргинальность.

Представление о характере влияния вовлеченности в глобальную информационную сеть на ее пользователей в Украине дают данные, полученные в ходе мониторингового опроса Института социологии НАН Украины 2003 года (табл. 3). Распределение ответов на вопрос “Каким образом Вас или Ваших близких затронуло использование сети Интернет?” приведено в таблице 3.

Таблица 3

Оценка характера влияния Интернета на его пользователей представителями поселенческих, возрастных и этнолингвистических групп Украины, а также населения в целом, 2003 год (%)

Оценка влияния Интернета	Тип поселения				Возрастная группа			Этнолингвистическая группа		Общая выборка, N = 1795
	Киев, N = 88	Крупный город, N = 619	Небольшой город, N = 508	Село, N = 580	18–29 лет, N = 390	30–54 года, N = 844	55 лет и старше, N = 560	Украинцы, N = 683	Русские, N = 645	
Совсем не затронуло	64,8	83,7	85,6	90,7	77,9	83,8	93,6	87,7	82,9	85,6
Положительным образом	28,4	12,6	9,8	4,0	16,7	11,3	2,9	6,7	12,9	9,8
Трудно сказать, положительно или отрицательно	4,6	2,3	3,1	3,6	4,6	2,8	2,3	3,9	2,9	3,1
Отрицательным образом	2,3	1,4	1,4	1,7	0,8	2,1	1,2	1,6	1,2	1,6

Заметим, что оценки влияния Интернета украинцами и русскими практически не отличаются, тогда как различие в таких оценках украиноязычных и русскоязычных респондентов заметно (например, положительно оценивают влияние Интернета вдвое больше русскоязычных респондентов по сравнению с украиноязычными). Такая ситуация становится понятнее, если вспомнить, что языковой фактор в социально-культурной жизни украинского общества играет значительно большую роль, нежели сугубо этнический.

Вполне реальными названные выше личностные трансформации становятся в условиях длительного системного кризиса в Украине, где проблема идентичности личности крайне обострена тем, что в нашей стране как госу-

дарственные, так и социальные институты и ценности все еще пребывают в стадии становления.

Необходимо осознать, что украинское общество только вступает в эпоху коренных преобразований, когда по мере развития информационно-коммуникационных технологий на глобальном уровне сформировался и находит все большее распространение новый вид мобильности — мобильности информации, идей, вкусов. Эта мобильность способствует движению капиталов, товаров и услуг, стимулирует предпринимательскую деятельность, развитие торговли, занятости, позволяет более эффективно и творчески решать различные экономические и социальные проблемы, дает возможность людям шире использовать свой потенциал.

Вместе с тем, отсутствие доступа к информационно-коммуникационным технологиям, в частности к Интернету, обуславливает новый вид социального неравенства — информационный. Такое неравенство, основанное на принципе вовлеченности в мир современных технологий, возникает между индивидами, социальными группами и даже странами. В Украине реальность существования и дальнейшего распространения такого неравенства, к сожалению, пока осознается недостаточно. Общество сегодня крайне обеспокоено другими проблемами. Однако информационное неравенство, которое сейчас воспринимается как проблема послезавтрашнего дня, завтра может стать одним из основных — тех, которые определяют общественные отношения.

Литература

1. Пахомов Ю. Взгляд на трансформации в Украине с позиции глобализации // Стратегія економічного розвитку України. — К., 2002. — Вип. 1(8). — С. 8–19.
2. Roberton R. Globalization. — L., 1992.
3. Giddens A. The Consequences of Modernity. — Camdridge, 1987.
4. Harvey D. The Condition of Postmodernity. — Oxford, 1990.
5. Waters M. Globalization. — L.; N. Y., 1995.
6. Бабосов Е.М. Глобализация как предмет социологического анализа // Социология. — 2000. — № 4. — С.3–15.
7. Международная экономика и международные отношения. — 1998. — № 3. — С. 73–97.
8. Шульга М. Соціальний ареал життя особистості (Круглий стіл “Особистість у контексті глобалізації”) // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2002. — № 2. — С. 5–71.
9. Луман Н. Глобализация мирового общества: как следует понимать современное общество // Социология на пороге XXI века. — М., 1999. — С. 137–145.
10. Гидденс Э. Социология. — М., 1999.
11. Политика в области занятости в условиях глобализации экономики. — Женева, 1996.
12. Выступление Н.Шмелева и А.Рара в передаче “Комментаторы за круглым столом” // Радиостанция “Свобода”, 3. 09. 2003 г.
13. Колот А.М. Держава як суб’єкт регулювання соціально-трудоу відносин в умовах глобалізації економіки // Стратегія економічного розвитку України. — К., 2002. — Вип. 1(8). — С. 75–86.
14. Щербак Ю. Україна: виклик і вибір. Перспективи України в глобалізованому світі XXI століття. — К., 2003.

15. Інтерфакс-Україна, 24. 08. 2003 р.
16. Стан дотримання та захисту прав і свобод людини в Україні : Доповідь уповноваженого Верховної Ради України з прав людини. — К., 2002.
17. *Белинис Л.* Электронная демократия: политика в условиях глобальной коммуникации // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2003. — Т. 4. — № 4. — С. 67–81.
18. *Doel M.A., Clarke D.B.* Virtual World, Simulation, Suppletion, Seduction and Simulacra // Virtual Geographies: Bodies, Spase and Relations / Ed. by M.Crang, Ph.Crang, J.May. — L., 1999.
19. *Slouka M.* War of the Worlds: Cyberspace and The High-Tech Assault On Reality. — N. Y., 1995.
20. *Lebrun Ch.* Réel-virtuel: la confusion du sens // Futuribles. — S.a. — № 214.
21. *Heim M.* The Metaphysics of Virtual Reality. — N. Y., 1993.
22. *Rheingold H.* Les communautes virtuelles. — P., 1995.
23. *Baudrillard J.* Le Xerox et l'Infini // La transparence du Male. Essai sur les phenomenes extremes. — P., 1990.
24. *Чуднова Н.В.* Особенности образа “Я” жителя Интернета // Психологический журнал. — 2002. — Т. 23. — № 1. — С. 113–117.
25. *Смирнова В.М.* Англоязычное культурнолингвистическое влияние как фактор формирования нового пространства понимания: вопросы и проблемы // Мир психологии. — 2001. — № 3. — С. 167– 172.
26. *Юрлов Ф.Н.* Социальные издержки глобализации // Социологические исследования. — 2001. — № 7. — С. 13–29.
27. Інтерфакс-Україна, 23. 02. 2001 р.
28. Інтерфакс-Україна, 6. 12. 2003 р.
29. Урядовий кур'єр. — 2002. — 18 грудня.
30. *Wade Ph., Falcand D.* Cyberplanète. Notre vie en temps virtuel // Autrement. — 1998. — № 176.